

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.432.211.3

А. В. Давыдов

**ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ МАНИНКА
В ТРУДАХ СУЛЕЙМАНА КАНТЕ.
ЧАСТЬ I¹**

Сулейман Канте (1922–1987) был выдающимся гвинейским ученым-самоучкой, создателем письменности «нко²» и основоположником литературного языка манинка. Его лингвистические труды, написанные на языке манинка, обширны и включают фундаментальный толковый «Словарь нко», до сих пор не опубликованный большой нко-французский словарь, ряд букварей, трехтомную «Грамматику нко» [1; 2; 3] и некоторые другие работы. Настоящая работа посвящена анализу упомянутой «Грамматики» в сравнении с европейской традицией изучения языков манден. Она существенно дополняет мою предыдущую публикацию на эту тему [4]. За полем зрения оставлены взгляды Сулеймана Канте на фонетику и фонологию языка манинка, так как им посвящено отдельное исследование [5].

Будучи в большей степени учебным пособием, нежели научным исследованием, «Грамматика нко» имеет много черт, характерных для этого жанра. Самая заметная из них — многочисленные повторы. Эта особенность проявляется как в отдельно взятых томах сочинения, так и в «Грамматике» целиком. Сравнение текстов трех томов «Грамматики» показало, что они в значительной степени совпадают, причем тексты последующих томов являются расширенными вариантами текстов томов предыдущих. Каждый последующий том объемнее предыдущего (первый том содержит около тридцати страниц, третий — около пятидесяти), однако круг рассматриваемых в них вопросов остается неизменным. Настоящее исследование опирается в основном на анализ текста первого тома, так как именно он содержит наиболее краткие и точные формулировки, но часто привлекаются и данные третьего тома.

Первый том «Грамматики нко» состоит из тридцати глав и краткого предисловия. Главы 1 и 2 содержат некоторые предварительные замечания. В главе 1 Канте утвер-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Разработка модели электронного корпуса текстов языков манден (манинка, бамана)», поддержанного грантом РФФИ № 10-06-00219-а.

² От манинка *ñ kó* 'я говорю'.

© А. В. Давыдов, 2011

ждает, что бамана, манинка, дьула и мандинка — это диалекты единого языка манден, или нко. Несмотря на это, в «Грамматике нко» Канте опирается в основном на данные своего родного языка манинка. Привлечение данных других идиомов манден носит достаточно случайный характер. Более того, примеры из идиомов манден, отличных от манинка, которые приводит Канте, часто оказываются неправильными. Так, обсуждая в Главе 6 множественное число имен существительных, он приводит следующий пример из языка бамана: *yíri ù 'деревья'. Правильная же форма имеет вид jíri ù.

Третий том «Грамматики» содержит небольшую вступительную главу, отсутствующую в первом томе. В ней разъясняются такие понятия, как «говорение» (*fóli*), «речь» (*kúma*), «жест» (*kóréya*) «письмо» (*sébeli*) и «язык» (*kán*). Канте пишет: «Внутренняя часть тела человека, в которой хранится представление (*sínkɔn*) о делах (*kó*), называется душой (*sɔ̀nɔ̀mé*). Место, где содержится душа, — это мозг. То, где душа ищет представление, называется умом (*hánkili*), или разумом (*já*), или же интеллектом (*yíli*). Когда дело ищут в уме, такая работа называется мыслью (*míri*). Когда мысль извлекают наружу, чтобы ее понял другой, это называется говорением (*fóli*). Говорение же делится на три вида: жест (*kóréya*), речь (*kúma*) и письмо (*sébeli*)» [3, с. 1].

Как видно, термин Сулеймана Канте *fóli* близок к русскоязычным определениям «общение» и «коммуникация». Он включает в себя, во-первых, невербальное общение, представленное жестами и мимикой (и то и другое Канте объединяет термином *kóréya*), и, во-вторых, вербальное общение в устной и в письменной форме (*kúma* и *sébeli*).

Понятия «речь» (*kúma*) и «язык» (*kán*) Канте определяет следующим образом: «То, что человек произносит своим ртом и что его собеседник слышит своими ушами и понимает своей душой, называется речью. Речь понимается благодаря общей привычке. Двое говорящих, не происходящих из одной страны, скорее всего друг друга не поймут» [3, с. 2]. «Та речь, которой пользуется между собой население одной страны, — это язык. Обычно в различных странах различаются и языки — немного или сильно» [3, с. 3].

Из этих определений можно сделать вывод о том, что в «Грамматике» мы имеем дело отнюдь не с дихотомией языка и речи в классическом соссоровском понимании, а скорее с представлением о человеческом языке вообще (*kúma*) и об отдельных языках (*kán*).

В Главе 2 первого тома Канте объясняет свою мотивацию к созданию грамматики. Перечислив выделяемые им части речи манинка, он утверждает, что описание каждой из них называется «грамматикой» (*kángbe* — досл. «чистый язык») и что подобное описание «очищает язык». В третьем томе к этому прибавляется еще и рассуждение о природе и пользе письма, которое не нуждается в особых комментариях. Приведем его полностью: «Письмо — это помещение подобия речи на бумагу при помощи чернил и ручки. Каждое такое подобие называется буквой (*sébeden*). Все буквы вместе взятые называются алфавитом (*sébesun*). Почти у каждого языка есть свой алфавит. Но сегодня также многие языки объединены общим алфавитом. Письмо упорядочивает язык, укрепляет ум и приумножает знания. Поэтому умный человек сегодня не может обойтись без письма. Если письмо — это мед, то письмо на родном языке — это самый лучший мед. Если письмо — это соус, то письмо на родном языке — это соль в нем. Если чтение — это работа, то чтение на родном языке — это дыхание, потому что уметь читать на родном языке в двенадцать раз проще, чем на чужом. То, что человек узнает за шесть лет из чтения на чужом языке, он, без сомнения, узнал бы за шесть месяцев, читай он на родном» [3].

Последующие главы «Грамматики» посвящены в основном определению и описанию частей речи, которых Канте выделяет десять: имя (*tɔ́*), местоимение (*tɔ́nɔ́dɔ́bila* — досл. «то, что занимает место имени»), прилагательное (*mànkútu*), предикативный показатель (*bósolan*), глагол (*kúmasobo* — букв. «мясо речи»), частица (*kùnkúdu*), наречие (*kàlá*), вопрос (*ɲininkalí*), экспрессивное наречие (*dɔ́gbeleyalí* — букв. «усиление») и междометие (*kánto*). Разумеется, терминология Сулеймана Канте во многом не совпадает с терминологией, принятой в европейской традиции, поэтому приводимые выше переводы могут быть лишь очень приблизительными.

История изучения частей речи в языках манден достаточно подробно описана в статье [6]. Ссылаясь на коллективную монографию [7], В. Ф. Выдрин говорит о существовании трех возможных критериев разграничения частей речи: семантического, морфологического и синтаксического. Семантический критерий апеллирует исключительно к плану содержания языка, к наличию некоего «глубинного» разделения слов на классы. Морфологический критерий можно понимать в узком и в широком смысле. Узкое понимание предполагает, что части речи различаются словоизменительными парадигмами и, во вторую очередь, морфологическими деривационными типами. При широком понимании принимается во внимание еще и сочетаемость со служебными словоформами. Наконец, синтаксический критерий учитывает способность слова занимать те или иные синтаксические позиции. Разными исследователями языков манден во главу угла ставились разные критерии: от «ультрасинтаксического» (термин В. Ф. Выдрины) подхода С. И. Томчиной до полного отказа от синтаксиса в пользу морфологии в работах М. Б. Бергельсон. Попробуем выяснить, на каких теоретических позициях стоял Сулейман Канте. Его мнение по данному вопросу тем интереснее, что он работал практически в полном отрыве от европейской лингвистической традиции.

Канте не выдвигает никаких формальных критериев выделения частей речи эксплицитно. Его подход можно охарактеризовать как спонтанный. Тем не менее очевидно, что он не мог не опираться на какие-либо критерии, даже если они и не формулируются в тексте «Грамматики».

Судя по определениям Канте, семантический и синтаксический критерии были для него особенно важны. Вот как, например, он определяет прилагательное (*mànkútu*): «Прилагательное присоединяется к имени и показывает его характеристики и качества, его особенности и свойства» [1, с. 9]. В то же время Канте часто не дает вовсе никакого общего описания семантики и/или синтаксических характеристик какой-либо части речи, сразу переходя к описанию ее подразделения на подклассы. Восемь из десяти частей речи в «Грамматике нко» выделены на основании синтаксического критерия. Прилагательное (*mànkútu*) выделяется на основе семантического критерия, но внутренняя классификация этого класса слов основывается на синтаксисе. Часть речи «вопрос» (*ɲininkalí*) представляет собой крайний случай, когда какой-либо критерий трудно выделить. В отдельных случаях затруднительно понять, какой именно критерий был использован — синтаксический или семантический.

Часто попытки Канте охарактеризовать синтаксические роли частей речи приводят его к порочному кругу в терминологических определениях. Например, он определяет предикативный показатель (*bósolan*) как «слово, которое управляет глаголом» [1, с. 14], в то время как глагол — как «слово, управляемое предикативным показателем, который показывает его время» [1, с. 21]. Интересно, что В. Ф. Выдрин обнаружил сходные недостатки и в «Словаре нко» Сулеймана Канте [8].

Рассмотрим систему частей речи манинка, как понимает ее Сулейман Канте, более подробно. В ходе изложения попытаемся провести некоторые параллели с европейской традицией изучения языков манден, хотя и понятно, что она далеко не едина и разные европейские исследователи могут стоять на разных теоретических позициях и использовать несовпадающую терминологию. Если трактовка какого-либо элемента грамматики не вызывает среди европейских исследователей серьезных разногласий, то я позволяю себе сослаться на европейскую традицию в целом, не делая никаких библиографических ссылок. Сравнение подходов европейских исследователей к каждому отдельному вопросу грамматики языков манден — задача едва ли выполнимая, даже если ограничиться только важнейшими работами. Что же касается спорных вопросов грамматики, то тут по возможности приводятся разные мнения и делаются библиографические ссылки. В отдельных случаях я предлагаю собственные интерпретации материала манинка.

Привлекаются работы по языку не только манинка, но и прочим манден. Это объясняется, во-первых, тем, что по некоторым из них существует куда более обширная литература, чем по манинка. Во-вторых, языки манден близкородственны, и очень часто интерпретация какого-либо явления, выдвинутая на материале одного языка, оказывается применима и к материалу других.

1. Имя (*tɔ̀*)

В первом томе «Грамматики» Канте не дает определения имени, в третьем же пишет так: «Цель имени — это различие. Оно дается вещи и отличает имена вещей друг от друга. Оно дается живому существу и отличает имена живых существ друг от друга. Оно дается месту и отличает имена мест друг от друга» [3, с. 4–5].

Как видно, здесь Канте опирается на семантический критерий.

Сулейман Канте выделяет два подкласса внутри части речи «имя»: имя нарицательное (*fòdoba tɔ̀*) и имя собственное (*kèlenna tɔ̀*). В то время как семантический критерий, использованный Канте при выделении этих подклассов, не нуждается в объяснении, примененный им морфологический критерий менее очевиден. Канте выделяет в манинка два базовых фонологических тона (*kánmasere*): высокий (*kánmayeɛ*) и низкий (*kánmajii*), — причем каждый из этих базовых тонов может быть падающим (*kánmafānen*) или ровным (*kánnabàranén*)³. Согласно Канте, конечный тон имен собственных всегда ровный, в то время как тон имен нарицательных может быть ровным, если имя в неопределенном состоянии (*máfilinén*), и падающим, если в определенном (*málɔ̀nnɛn*), ср.: *mòsò* 'женщина (какая-то)' и *mòsò* 'женщина (определенная)'.

Канте выделяет два способа соединения имен между собой: «несопряженное состояние» (*làkafoli*) и «сопряженное состояние» (*cénkannin*). Он приводит такие примеры: *silamâ mòsò* 'жена мусульманина' (несопряженное состояние) и *silama móso* 'женщина-мусульманка' (сопряженное состояние). Речь идет, следовательно, об именных синтагмах двух типов, генитивной и определительной. Как видно, в первом случае каждый из членов именной синтагмы сохраняет свой тон и оформлен собственным тоновым артиклем (если пользоваться европейской терминологией). Во втором случае тон пер-

³ Подробно о взглядах Канте на фонетику и фонологию языков манден см. в: [5].

вого компонента распространяется на всю синтагму, оформленную одним артиклем, при этом перелом тонового контура происходит на границе морфем. Опираясь на разработанный им самим фонологической терминологией, Канте точно описывает эти особенности тоновой комбинаторики.

2. Местоимение (*tɔ̀nɔ̀dɔ̀bila*)

Для удобства приведем таблицу местоимений языка манинка. В подписях к строкам и столбцам через дробь даны термины Канте и европейские термины. Если в одной ячейке приведены две формы, то это значит, что они находятся в свободном варьировании.

Таблица 1. Система личных местоимений языка манинка

	<i>tùuntá</i> / неэмфатические		<i>tùunbáli</i> / эмфатические	
	<i>kèlɛŋɔ̀</i> / ед. ч.	<i>jàmayá</i> / мн. ч.	<i>kèlɛŋɔ̀</i> / ед. ч.	<i>jàmayá</i> / мн. ч.
<i>kúmala</i> / 1 л.	<i>í</i>	<i>n̄, án̄</i>	<i>né̄</i>	<i>nù, ànnu</i>
<i>kúmapɔ̀ɔ̀n</i> / 2 л.	<i>í</i>	<i>álu</i>	<i>ilè</i>	<i>álù</i>
<i>gbéde</i> / 3 л.	<i>à</i>	<i>àlu</i>	<i>àle</i>	<i>àlù</i>

В «Грамматике» говорится, что «местоимение занимает место одного из трех лиц (*kúmatii*) и оставляет их имена невысказанными» [3, с. 7]. Канте выделяет две разновидности местоимений: присоединяемые (*tùuntá*) и неприсоединяемые (*tùunbáli*). Про присоединяемые местоимения Канте говорит, что их смысл становится понятен, когда к ним «присоединяется некоторая другая речь» [3, с. 10] и приводит следующие примеры: *í déñ* ‘мой ребенок’, *í déñ* ‘твой ребенок’, *à déñ* ‘его ребенок’, *n̄ déñ* ‘наш ребенок’, *án déñ* ‘наш ребенок’, *álu déñ* ‘ваш ребенок’, *àlu déñ* ‘их ребенок’.

«Неприсоединяемые» же местоимения, согласно Канте, «будут понятны, даже если к ним не присоединяется другая речь» [3, с. 10]. Он приводит следующие примеры: *né̄* ‘я’, *ilè* ‘ты’, *àle* ‘он’, *nù* ‘мы’, *ànnu* ‘мы’, *álu* ‘вы’, *àlù* ‘они’. В европейской традиции то, что Канте называет «присоединяемыми» и «неприсоединяемыми» местоимениями, обычно принято называть соответственно неэмфатическими (также нефокализованными, или слабыми — в терминологии Ж. Дюместра [9]) и эмфатическими (фокализованными) местоимениями.

Как видно из примеров, формальным критерием для разделения местоимений на два класса для Канте служит возможность или невозможность их изолированного употребления. Слабым местом трактовки Канте является то, что он не оговаривает контекст этого употребления. Ж. Дюместр на материале языка бамана приходит к аналогичному делению на основании другого критерия — возможности употребления того или иного местоимения в презентативной конструкции с предикативным показателем *dòn* [9, с. 127]: *àle dòn* ‘вот он (эмф.)’, но **à dòn* ‘вот он (неэмф.)’, *é dòn* ‘вот ты (эмф.)’, но **í dòn* ‘вот ты (неэмф.)’. В манинка предикативный показатель *dòn* отсутствует, в аналогичной конструкции используется показатель *lè*. Однако в манинка действует то же правило, что и в бамана, и критерий Дюместра вполне применим к материалу этого языка: *àle lè* ‘вот он (эмф.)’, но **à lè* ‘вот он (неэмф.)’, *ile lè* ‘вот ты (эмф.)’, но **í lè* ‘вот ты (неэмф.)’.

Кроме этого Канте выделяет местоимения единственного и множественного числа, а также говорит о существовании у местоимений трех лиц (*kúmatii* — букв. «хозяин речи»): говорящего (*kúmala*), собеседника (*kúmanɛn*) и «другого» (*gbéde*). В европейской традиции это равнозначно первому, второму и третьему лицу соответственно.

3. Прилагательное (*mànkútu*)

Определение прилагательного, предлагаемое Канте, таково: «Прилагательное присоединяется к имени и показывает его характеристики и качества, его особенности и свойства» [1, с. 9].

Внутри этого класса слов он выделяет три подкласса: присоединяемое прилагательное (*mànkútu tìuntá*), неприсоединяемое прилагательное (*mànkútu tìunbàli*) и «промежуточное» прилагательное (*mànkútu tédo*).

Канте подразделяет присоединяемое прилагательное на еще шесть подклассов, не давая при этом общего определения этого класса слов.

К подклассу «примыкающих присоединяемых прилагательных» (*tìunta náranen*) Канте относит всего два элемента: *-ba* и *-nin* (а также диалектные варианты последнего: *-ren*, *-len*, *-nen*, *-nen*). В европейской лингвистике они рассматриваются соответственно как аугментативный и диминутивный суффиксы. Исторически они, по всей вероятности, восходят к словам *bá* ‘мать’ и *dén* ‘ребенок’. Канте приводит, в частности, такие примеры: *mɔɔ-ba* ‘большой человек’, *bá-ba* ‘большая река’, *sèn-bá* ‘большая нога’, *jà-ba* ‘большой глаз’, *téé-ba* ‘большая ладонь’, *fén-ba* ‘большая вещь’, *nàfolo-bá* ‘большое богатство’, *cé-nín* ‘маленький мужчина’, *mòso-nín* ‘маленькая женщина’, *dén-nín* ‘маленький ребенок’, *dìu-nín* ‘маленький город’, *bà-nín* ‘маленькая коза’. Значение всех приведенных слов вычленяется из значения их компонентов, т. е. наличествует регулярная словообразовательная модель. С другой стороны, нередки случаи лексикализации, когда значение целого уже не выводимо из значения его составляющих (примеры из Грамматики Канте): *něé* ‘железо’ + *-ren* → *nèrén* ‘металлическая щетка для очистки волокна от зерен’, *já* ‘изображение, образ’ + *-ren* → *jàrén* ‘трафарет для письма’, *wára* ‘хищник’ + *-ba* → *wára-ba* ‘лев’. Канте обходит вниманием этот важный языковой факт.

Существенно также отметить, что, наделяя суффикс *-ba* статусом части речи, Канте относит слова с этим суффиксом (наподобие *wáraga*) к «неприсоединяемым прилагательным». Таким образом, получается, что, согласно Канте, формант *-ba* в слове *wáraga* является одновременно и «присоединяемым прилагательным» (сам по себе), и «неприсоединяемым» (в составе слова). Едва ли такую систему понятий можно признать логически удовлетворительной.

Термин «краткое присоединяемое прилагательное» (*tìunta gbɔku*) довольно точно соответствует термину «прилагательное» в европейской традиции. Канте дает ему очень лаконичное определение: «Оно присоединяется к именам кратко»⁴ [1, с. 10]. Приводимые в «Грамматике» примеры немногочисленны: *yɔrɔ súduw* ‘близкое место’, *yíla jáw* ‘отдаленное место’, *mɔɔ nɔn* ‘грязный человек’, *dénnen kálin* ‘беспокойный ребенок’. Из этих примеров можно сделать вывод о том, что под термином «краткое присоединяемое прилагательное» Канте понимает такое прилагательное, которое, если пользоваться европейской

⁴ В оригинале: «ò lé tìun ná gbɔku».

терминологией, образует с существительным единую тонально-компактную синтагму [10]: тон первого компонента (существительного) распространяется на все сложное слово, нейтрализуя тон второго компонента (прилагательного), перелом тонового контура происходит при этом на границе морфем. Иными словами, сложное слово относится к тому же тональному классу, что и его первый компонент. Подобное сочетание существительного с прилагательным является по различным критериям именно сложным словом, а не словосочетанием: между его компонентами невозможна никакая вставка; все единство оформляется единым тоновым артиклем (см. примеры выше) и показателем множественного числа (*mə̀ nɔ̀n ni`* ‘грязные люди’), при этом ни один из компонентов не может иметь собственного грамматического оформления или синтаксических связей за пределами сложного слова, которые относились бы только к нему одному; наконец, как было сказано, имеется просодическое единство. Всю совокупность этих явлений или по крайней мере часть из них Сулейман Канте, по-видимому, и понимал под «краткостью».

Подкласс «глагольных присоединяемых прилагательных» (*tùunta kúmasoboma*) объединяет два очень разных с точки зрения европейской традиции класса слов.

Во-первых, это имена с агентивным суффиксом *-la* (*-na* после носовых), который присоединяется к переходным глаголам, причем глаголу обязательно должно предшествовать прямое дополнение, выраженное существительным. При этом образуется сложное тонально компактное слово: *mə̀ fàa-lá`* ‘убийца людей’, *wádi jínin-na`* ‘искатель серебра’.

Во-вторых, это перфективные причастия с суффиксом *-len/-nen* (примеры Канте: *cè jámanen`* ‘рассерженный мужчина’, *yíri tēénén`* ‘срубленное дерево’, *màlò` kénen`* ‘просыпанный рис’, *díu sēnenén`* ‘обработанная земля’, *sōn midanén`* ‘пойманный вор’). В вышперечисленных примерах в первую очередь бросается в глаза то, что слова в разных словосочетаниях соединены по-разному. В одних случаях тон первого компонента распространяется на все словосочетание (*cè + jáman → cè jámanen`*), в других каждый компонент сохраняет свой лексический тон (*sōn midanén`*). Попробуем разобраться, в чем же дело.

В европейской традиции изучения языков манден принято выделять различные синтаксические функции, в которых может выступать причастие. Например, в грамматике Ж. Дюестра [9, с. 234–239] на материале языка бамана таких функций выделяется пять: 1) кваликативная (*qualificative*), 2) причастие как член предложения (*le participe comme le terme syntaxique*), 3) атрибутивная (*d’attribut*), 4) предикативная (*de prédicat*), 5) стивно-результативная форма (*la forme stative-résultative*).

В кваликативной функции причастие выступает в роли прилагательного, образуя с именем «связанное» соединение», т. е. причастие не утрачивает своего лексического тона, но определяемое существительное не получает тонового артикла.

(1) *Nin yé misi túnun-nen-w yé wà?*
это РМ корова теряться-RES-PL PP Q

‘Это потерявшиеся коровы?’ [9, с. 234].

(2) *Nà ní jí súma-len` yé.*
приходить:IMP и вода Охлаждаться-RES-ART PP

‘Принеси холодной воды’ [9, с. 234].

Под «причастием как членом предложения» Дюместр понимает возможность причастия функционировать как существительное и выполнять в предложении роль подлежащего или дополнения:

- (3) *Sà-lén-w kó í ní sǝǝmá!*
 умирать-RES-PL PM 2.SG и утро

‘Мертвые говорят: «Доброе утро!»’ [9, с. 235].

В атрибутивной функции (функции вторичного предиката) в отличие от квалификативной причастие характеризуется большей свободой относительно существительного, которое может быть оформлено собственным тоновым артиклем. В атрибутивной функции причастие может присоединяться к местоимениям и именам собственным, что невозможно в квалификативной функции.

- (4) *Bá yé sánun in bin-nén tà.*
 мать PM золото этот падать-RES брат

‘Мать взяла этот упавший слиток золота’ [9, с. 236].

- (5) *À b’ à jéna kó à sà-lén dòn.*
 3.SG PM 3.SG думать что 3.SG умирать-RES PM

‘Он думал, что он умер’ [9, с. 236].

В языке бамана в предикативной функции причастие может выступать в качестве ядра зависимой клаузы условно-временного предложения:

- (6) *Dàlá’ já-len, bágan-w té jí sǝǝ yǝǝ sí.*
 озеро-ART засыхать-RES скот-PL PM:NEG вода находить место никакой

‘Поскольку озеро пересохло, скот не может нигде найти воды’.

В манинка в отличие от бамана в этой функции причастие на *-lén/-nen* может использоваться и в простом предложении:

- (7) *Ñ fà ní ñ ná sii-nén Bùwaké.*
 1.SG отец и 1.SG мать жить-RES Буаке

‘Мои отец и мать живут в Буаке’.

- (8) *À síla’ lù bǝ-nen kǝjima àlu télen-nén bǝrrǝ.*
 3.SG улица-ART PL выходить-RES хорошо 3.PL выпрямлять-RES EXPR

‘Его (города) улицы красивы, они очень прямые’.

Наконец, под стативно-результативной формой Дюместр понимает сочетание причастия и предикативного показателя *bé/té*:

(9) *É dá-lén bɛ yàn.*
2.SG лежать-RES PM здесь

‘Ты здесь лежишь’ [9, с. 329].

В. Ф. Выдрин сводит все это многообразие к меньшему количеству типов (4 вместо 5) и пользуется другой терминологией. Он выделяет следующие синтаксические функции причастий [6, с. 163]: атрибутивную (соответствует квалификативной у Дюестра), аппозитивную (включает атрибутивную функцию и «стативно-результативную форму» по классификации Дюестра), предикативную (аналогично у Дюестра) и номинативную («причастие как член предложения» у Дюестра). Важно подчеркнуть, что один и тот же термин «атрибутивный» в терминологии двух исследователей обозначает разные функции причастия. В настоящей работе мы будем пользоваться терминологией Ж. Дюестра не из каких-либо теоретических предпочтений, а лишь потому, что она уже была подробно изложена.

Канте в отличие от Дюестра и Выдрин не проводит различий между функциями причастий (в его терминологии — «глагольных присоединяемых прилагательных») эксплицитно. Примеры, которые он приводит, представляют собой лишь словосочетания, но не целые фразы, поэтому судить по ним о том, в какой функции употреблено то или иное причастие, довольно затруднительно. Таким образом, на данном этапе не удастся обнаружить и следов скрытой классификации функций причастий. Однако Канте все же дифференцирует функции слов на *-lɛn/-nɛn*.

Канте определяет имена на *-la/-na* и причастия на *-lɛn/-nɛn* как прилагательные «несовершенного» (*kédɔ tàmínnén*) и «совершенного» (*kédɔ bíntá*) вида соответственно. В данном случае подход Сулеймана Канте совершенно не совпадает с европейским. Во-первых, в европейской традиции эти слова принято относить к другим частям речи. Во-вторых, в семантике имен на *-la/-na*, конечно, не выделяют никакого видо-временного компонента.

Под «дискурсивным присоединяемым прилагательным» (*mànkútu làkáli*) Канте понимает, по-видимому, причастие или прилагательное, употребленное в предикативной функции. Вот приводимые им примеры: *í sùmaman* ‘ты спокоен’, *à finnén* ‘он черный’, *à gbélen* ‘он белый/чистый’. Как и в предыдущих случаях, при отнесении этих слов к прилагательным Канте опирается лишь на то, что в их семантике есть компонент качества; их синтаксическое поведение он полностью игнорирует.

Термин Канте *mànkutulanmá*, который можно приблизительно перевести как ‘[слово], имеющее показатель прилагательного’, обозначает то, что в европейской традиции называют предикативными прилагательными, т. е. прилагательные, употребляемые с предикативными показателями *ká* (аффирмативный) и *mán* (негативный):

(10a) *À ká bòn.*
3.SG PM большой

‘Он большой’.

(10b) *À mán bòn.*
3.SG PM:NEG большой

‘Он небольшой’.

Последний подкласс, выделяемый Канте, — «числительные прилагательные» (*mànkútu dàmafɔlá*). Он включает как «подлинные» числительные (напр., *sɛ̀mɛ́* ‘сто’ или *mùwán* ‘двадцать’), так и все прилагательные с количественным значением, напр., *bée* ‘все’, *yíríka* ‘несколько’, *síyaman* ‘много’ и т. д.

«Неприсоединяемое прилагательное» (*mànkútu tùunbáli*) — «это такое прилагательное, смысл которого можно понять, даже если оно не присоединено к прилагательному или имени» [1, с. 11]. Под этим термином Канте понимает то, что в европейской традиции называют «субстантивированным прилагательным». Внутри «неприсоединяемых прилагательных» Канте выделяет три подкласса.

К первому подклассу он относит: 1) субстантивированные прилагательные с адъективизирующим суффиксом *-ma* (напр., *sáyíma* ‘[нечто] желтое’, *jímá* ‘[нечто] хорошее’); 2) непредикативные прилагательные, образованные от предикативных при помощи суффикса *-man* (напр., *síyaman* ‘[нечто] многочисленное’, *díman* ‘[нечто] вкусное’); 3) порядковые числительные, образованные от количественных при помощи суффикса *-nan* (напр., *sábanan* ‘третий’, *tánnan* ‘десятый’); 4) слова с аугментативным суффиксом *-ba* (напр., *kùnbabá* ‘толстый человек’). Наконец, в этот класс Канте включает имена, состоящие с точки зрения истории языка из корня и суффикса *-ba*, в процессе лексикализации превратившихся в одно знаменательное слово, ср.: *wára* ‘хищник (особенно из семейства кошачьих)’ и *wára-ba* ‘лев’, но не *‘большой хищник’.

Второй подкласс «неприсоединяемых прилагательных» включает в себя следующее: 1) слова, образованные от имен при помощи суффикса *-ma* (напр., *hánkílima* ‘умный [человек]’, *kɔ́nɔ́ma* ‘беременная [женщина]’); 2) слова с пациентивным суффиксом *-to* (*jànkarotɔ́* ‘больной’); 3) слова с суффиксом имени обитателя какой-либо местности *-ka* (*kánkanka* ‘житель Канкана’, *ábijanka* ‘житель Абиджана’). В европейской лингвистике все эти три класса слов трактуются совершенно по-разному. Рассмотрим их более подробно.

Суффикс *-ma* присоединяется к именным основам и образует прилагательное с орнативным значением (обладание тем или иным качеством, предметом, свойством): *hánkíli* ‘ум’ + *-ma* → *hánkílima* ‘умный’, *kɔ́nɔ́* ‘живот’ + *-ma* → *kɔ́nɔ́ma* ‘беременная’, *nàfá* ‘польза’ + *-ma* → *nàfamá* ‘полезный’, *túlu* ‘масло’ + *-ma* → *túluma* ‘масляный’ и т. д. Все подобные прилагательные могут быть субстантивированы путем опущения определяемого существительного:

(11a) *Kɔ́nɔ́-ma*   *nà-ná.*
живот-ADJ-ART   приходить-PRF

‘Беременная пришла.’

(11b) *Mòso*   *kɔ́nɔ́-ma*   *nà-ná.*
женщина   живот-ADJ-ART   приходить-PRF

‘Беременная женщина пришла.’

(12a) *À*   *yé*   *hánkíli-ma*   *lé*   *dí.*
3.SG   PM   ум-ADJ-ART   FOC   PP

‘Он умный.’

(12b) *À yé mɔɔ hánkili-ma' lé dí.*
 3.SG PM человек ум-ADJ-ART FOC PP

‘Он умный человек’.

В примерах, обозначенных буквой «а», интересующие нас слова выступают как существительные, а в примерах под буквой «b» — как прилагательные. Ситуация, таким образом, оказывается более сложной, чем ее рисует Канте.

Слова с суффиксом *-ka* в европейской традиции относят к существительным (см., например: [9, с. 60]). Суффикс *-ka* присоединяется к именам собственным, обозначающим географические названия, а также к некоторым именам с локативным значением: *Káncan* + *-ka* → *káncanka* ‘житель Канкана’, *Ábijan* + *-ka* → *ábijanka* ‘житель Абиджана’, *yàn* ‘здесь’ + *-ka* → ‘здешний житель’. Адъективизироваться такие существительные не могут, словосочетания вроде *mɔɔ káncanka ‘человек, живущий в Канкане’ неграмматичны. Таким образом, Сулейман Канте относит этот класс слов к прилагательным, основываясь лишь на их семантике.

Остается совершенно непонятным, почему Канте объединил три рассмотренных выше класса слов в одну группу. С точки зрения европейской лингвистики их мало что объединяет. Как уже не раз было показано, Канте часто опирается исключительно на семантический критерий, но выделить в семантике этих слов какой-либо общий компонент, отличающий их, скажем, от слов, которые будут рассмотрены ниже, затруднительно.

Третий подкласс «неприсоединяемых прилагательных» включает следующие группы:

1) имена, образованные от глаголов при помощи агентивного суффикса *-baa* (*nà* ‘приходить’ + *-baa* → *nàbaa* ‘тот, кто пришел’, *bɔ* ‘выходить’ + *-baa* → *bɔbaa* ‘тот, кто вышел’);

2) имена, образованные от глаголов при помощи суффикса имени пациенса *-baatɔ* (*fàa* ‘убивать’ + *-baatɔ* → *fàabaatɔ* ‘тот, кого убивают’);

3) суффикса негативного причастия *-bali* (*màló* ‘стыдиться’ + *-bali* → *màlobáli* ‘бесстыдный’);

4) суффикса дебитативного причастия *-ta* (*fère* ‘продавать’ + *-ta* → *fèretá* ‘то, что нужно продать’);

5) агентивного суффикса *-la* (*táa* ‘идти’ + *-la* → *táala* ‘тот, кто идет’); интересно, что образования с этим суффиксом (правда, от переходных глаголов) уже относились к другому классу.

6) инструментального суффикса *-lan* (*tɛɛ* ‘рубить’ + *-lan* → *tɛɛlán* ‘топор’);

7) суффикса отглагольного имени *-li* (*fàa* + *-li* → *fàalí* ‘убийство’).

Определение «промежуточных» прилагательных (*màncútu tédɔ*), которое дает Канте, очень кратко: «Это прилагательное, которое совпадает и с присоединяемым, и с неприсоединяемым прилагательным» [1, с. 12]. Судя по примерам, этим термином Канте обозначает слова, которые могут функционировать и как прилагательные, и как существительные: *bèlébéle* ‘толстый; толстый человек’, *kénde* ‘здоровый; здоровый человек’, *sàlá* ‘ленивый; ленивый человек’.

Литература

1. *Kánte Sùlemáana*. Nkó kaingbe kùnfólo. Kónakiri, 1996.
2. *Kánte Sùlemáana*. Nkó kaingbe kàfa filanán, Bámakò, 1993.
3. *Kánte Sùlemáana*. Nkó kaingbe kùnbabá. Kánkan, 1998.
4. *Давыдов А. В.* О «Грамматике нко» Сулеймана Канте // Петербургская африканистика. Сборник памяти А. А. Жукова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 204–213.
5. *Давыдов А. В.* Графика, фонетика и фонология языков манден в трудах лингвистической школы нко // Африканский сборник 2009 / отв. ред. В. Ф. Выдрин. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 289–295.
6. *Выдрин В. Ф.* И опять — части речи в бамана // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию профессора В. С. Храковского. М.: Знак, 2004. С. 145–173.
7. Части речи. Теория и типология / под ред. В. М. Алпатова. М., 1990.
8. *Vydrine Valentin*. Sur le «Dictionnaire Nko» // Mandenkan 31. 1996. P. 59–75.
9. *Dumestre Gérard*. Grammaire fondamentale du bambara. Paris: Karthala, 2003.
10. *Выдрин В. Ф., Томчина С. И.* Манден-русский словарь (бамана, манинка). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1.

(окончание следует)

Статья поступила в редакцию 12 января 2011 г.